

DOI 10.32726/2411-3417-2023-1-7-20

УДК 94; 327

Наталия Нарочницкая

Россия и Сербия в эпоху перемен. III. Сербы и русские в социальных экспериментах и геополитических катаклизмах XX столетия

Аннотация. Рассмотрение ключевых вех истории последнего столетия демонстрирует взаимосвязь между устремлениями и судьбой сербов, других балканских народов, европейской геополитикой и ролью России. Геополитические процессы как прошлого, так и настоящего показывают невозможность для Сербии избежать втягивания в узлы западно-российского противостояния. Британия еще более века назад взяла курс, продолженный США, на столкновение Германии с Россией и противодействие формированию однородных славянских государств, грозящему, с точки зрения англосаксов, попаданием «латинских» народов в германскую, а православных — в российскую орбиту. Национальные чаяния сербов подлежали осуждению и сдерживанию. С распадом СФРЮ Сербию и вовсе обрекли на фрагментацию — примечательная параллель с судьбой исторической российской государственности и русского народа. Новый западный постмодернистский технократический концепт будущего исключает продолжение самостоятельной культурно-исторической жизни народов и угрожает смыслообразующему ядру как русской цивилизации, так и сербства. Сербская нация вновь находится в центре событий мирового значения, подтверждая связь судьбы поствизантийского пространства с положением России.

Ключевые слова: Сербия и Россия, сербская государственность, европейская геополитика начала XX в., Боснийский кризис 1908 г., сербская нация, сербство СФРЮ.

Геополитические устремления и проекты как кануна Первой мировой войны, так и нашего времени наглядно демонстрируют невозможность для Сербии избежать втягивания в узлы противостояния Европы и России. В англосаксонской стратегии еще в начале XX в. сложился последовательный курс на ослабление германского потенциала через столкновение его с Россией, что Лондон наряду с Вашингтоном продолжает делать с успехом и сегодня. Британский подход к организации Балкан строился на противодействии формированию однородных славянских государств, грозившему, с точки зрения англичан, попаданием «латинских» народов в германскую, а православных — в российскую орбиту. В предстоявшем распаде Османской Турции Англию больше всего тревожил шанс возникновения большого сербского государства. И сегодня сербам отказано в праве объединиться в едином государстве.

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна — президент Фонда исторической перспективы, иностранный член Сербской академии наук и искусств, член Общественной палаты РФ, доктор исторических наук, nn@stoletie.ru.

Стоит хотя бы бегло остановиться на судьбе наследия Илии Гарашанина — идеолога собирания сербских земель, в разное время министра иностранных дел и премьер-министра Сербии, одного из трех самых знаменитых сербских деятелей второй половины XIX — начала XX вв., наряду с Йованом Ристичем и Николой Пашичем. Гарашанин в середине XIX столетия выступил с новой концепцией исторической стратегии и внешней политики Сербии, изложенной им в программе «Начертание» (1844 г.). Целью предложенной им стратегии были свержение власти Турецкой империи над южными славянами и их объединение под эгидой монархической Сербии, которой надлежало собрать все сербские земли [Никифоров «Начертание»... Его же. Сербия...]. Сильная независимая Сербия должна была, по замыслу Гарашанина, помешать любым великим державам, прежде всего Австрии, Англии, Франции, но также и России, занять позиции Турции на Балканском полуострове. Заметим, что Гарашанин вовсе не одобрял одностороннюю ориентацию на Россию и даже вызвал неудовольствие Николая I желанием наладить отношения с западноевропейскими дворами. Однако, когда князь Александр Карагеоргиевич после поражения России в Крымской войне превратился в явного австрофила и попал под исключительное влияние австрийского консула в Белграде, Гарашанин как член Государственного совета выступил против такого курса.

Идеи И. Гарашанина о руководящей роли Сербии в борьбе за освобождение и объединение южных славян становились все более популярными на фоне оживления национально-освободительного движения против Османской империи, формирования вооруженных «чет» в Болгарии, Фессалии, Эпире, Македонии и других землях. В центре этого движения стояла Сербия, давно добивавшаяся вывода турецких гарнизонов из сербских крепостей. На пике карьеры Гарашанина сербское правительство реально рассчитывало объединить все антиосманские силы на Балканах для всеобщего восстания, освобождения славянских народов от владычества Турции и создания Великой Сербии. Гарашанин, реализуя свою концепцию, создал Балканский союз 1866–1868 гг., заключив договоры с Грецией, Румынией и Черногорией.

Но надежды избежать всемерного вмешательства великих держав в процессы распада Османской империи и дальнейшую судьбу балканских славян, а тем более объединить южных славян под эгидой Сербии, в конечном итоге оказались иллюзорными, хотя на определенном этапе способствовали росту авторитета и значения Сербии. С тех пор сама идея Великой Сербии — даже в ограниченном варианте естественного и правомерного объединения сербских земель — стала нарицательным клише «сербского великодержавного национализма». В XX в. этот термин приобрел уже однозначно негативный оттенок как в титовской Югославии, так и на Западе, что рельефно проявилось в отношении к судьбе сербов в момент и после распада СФРЮ.

Но и в XIX столетии европейские политики усматривали в сербских планах опасность складывания на Балканах нового территориального и цивилизационного статус-кво, не контролируемого западными державами. Сербская национальная идея, соединенная с целью независимости от Турции, неизбежно программировала выход также из-под австрийского владычества и сулила нежелательные для западных держав сдвиги.

Помимо сугубо геополитических потенциальных потерь в стратегически важном регионе, Европу тревожила перспектива возрождения и обретения политического потенциала «ойкумены Ромеев» с ее иной, отличной от западноевропейской, цивилизационной идентичностью.

Сама Западная Европа уже прошла стадию формирования национальных государств, а в конце XIX в. завершилось объединение «железом и кровью» Германии под эгидой Пруссии. Но «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Как большая Сербия, так и потенциальная Болгария неизбежно предполагали российское присутствие и участие в их судьбе, что, безусловно, не входило в планы ни Австро-Венгрии, ни других западноевропейских держав, предпочитавших иные сценарии предстоявшего переустройства Балкан, без России, ослабленной по итогам Крымской войны. Р. Сетон-Уотсон выразил это в завуалированной форме так: «Миссия представлять западную культуру на Балканах лежит на Австро-Венгрии», которую, «если бы ее не было, надо было бы создать» [Seton-Watson, p. vii, 337].

Однако у программы И. Гарашанина сразу нашелся и другой оппонент: революционная космополитическая мысль и проекты крупных интернациональных федераций, где национальная государственность теряла значение в пользу социального переустройства. Это было время «Манифеста Коммунистической партии» и быстрого распространения левых идей. Проекты национальной консолидации сразу столкнулись с иным видением будущего балканских славян.

Так, в 1866 г. в городе Нови Сад возникла «Омладина» — молодежная политическая организация как национально-либеральных, так и леворадикальных революционно-космополитических кругов, находившихся под влиянием идей Первого Интернационала. Леворадикальное социалистическое крыло «Омладины» и его лидер Святозар Маркович, учившийся в Петербургском университете и попавший еще там под влияние революционных идей, отвергли концепцию И. Гарашанина как неинтернационалистскую и «великосербскую». Сознание революционной интеллигенции в Европе и России прекрасно иллюстрирует тот факт, что во время боснийского восстания 1875–1876 гг., вызвавшего в России широкий общественный подъем в поддержку сербов, народники-марксисты в журналах «Вперед» и «Набат» называли национально-освободительный порыв славян борьбой «старого мира» за «ложные идеалы», утверждая, что «единственная независимость, за которую следует бороться, есть независимость труда от всех стесняющих его хищнических элементов» [Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное... С. 36]. (Подобным образом, в конце XX — начале XXI в. сопротивление сербов их государственному расчленению, как и русских в Крыму, вызывало лишь раздражение у европейских и российских либералов, считавших единственным противоречием в мире противоречие между демократией и тоталитаризмом.)

Однако «Омладина» в целом, стоявшая на умеренно национальных позициях и даже сербские революционно-демократические круги, часто критиковавшие правительство царской России, резко отрицательно восприняли проавстрийский крен в политике

сербского князя Михаила Обреновича в конце его правления (в 1867–1868 гг.) и отказ от тесных связей с Россией [Нарочницкая Л.И. Россия и отмена... С. 134–144].

Вполне логично, что и в образованной в XX в. Югославии бдительно следили за «сербским национализмом», а С. Маркович, за сто лет до И.Б. Тито, выступавший за создание на Балканах федерации равноправных демократических республик, почитался как выдающийся деятель, революционный демократ, зачинатель и вождь социалистического движения в Сербии [Карасев]. Спустя век левые интернационалистские и радикально космополитические идеи на южнославянских землях сыграли роковую роль в судьбе именно сербов, не завершивших ранее национально-государственную консолидацию. Проекты строительства югославской многонациональной федерации закрепляли раздробленность сербской нации. А в конце XX в. крах левой идеологии принес с собой распад социалистических федераций по их искусственным внутренним границам.

Сложнейшие перипетии европейской политики, дипломатической борьбы и балканских конфликтов, достигшие апогея перед Первой Мировой войной, не обходились без расхождений интересов и чаяний Сербии, с одной стороны, и приоритетов и возможностей России. Одна из драматических для сербов страниц прошлого связана с аннексией Австро-Венгрией Боснии, которую Россия не предотвратила, да и не могла предотвратить

В начале XX в. геополитические противоречия между Англией и Германией уже завязали узел противоречий, которые неизбежно втягивали Россию. К Первой мировой войне стратегические устремления главных соперников прямо затрагивали морские рубежи России на Балтике, судьбу Балкан на юге Европы и будущее Проливов. Англия не могла допустить обретения кайзеровской Германией ведущей роли в Европе от Балтики до Средиземного моря и Ближнего Востока с его нефтью, к чему привела бы реализация германских амбиций завладеть «ключами от Проливов» и стать их «привратником» вместо Турции, как метафорично сформулировал эту цель российский министр иностранных дел России (1910–1916) С.Д. Сазонов. Строительство железной дороги Берлин-Багдад также грозило серьезно обесценить безраздельный морской контроль Англии над регионом и Суэцким каналом, который она имела после оккупации Египта в 1882 г.

Проекты в отношении России и Балкан открываются в разработках рейхсканцлера Б. фон Бюлова, депутата рейхстага Ф. Науманна, выступившего с идеей геополитической «Mitteleuropa» [Naumann Mitteleuropa; Его же. Was wird aus Polen?] — германского супергосударства от Балтийского до Черного моря, с втягиванием в его орбиту всего геополитического пояса от Балтийского до Средиземного моря — Польши, Прибалтики и Балкан. Такая геополитическая задача, похоже, неизменна для любой силы, стремящейся консолидировать Европу и вовлечь ее в реализацию своих амбиций к востоку от «берлинского меридиана». Эта цель преследуется с переменным успехом в течение всего XX в. и, что особенно очевидно, после краха СССР консолидированным «Запа-

дом» независимо от того «чья звезда его ведет» (А.С. Пушкин) — нацистская Германия или Вашингтон и Лондон с подчиненным им Брюсселем.

В начале Первой мировой войны были рассекречены досье за 10 лет из канцелярии министра и Ближневосточного отдела, и в них «открылась вся картина русской политики в этом кардинальном пункте», в том числе «планы Извольского и Чарыкова получить Константинополь, хотя бы в виде «нейтрализованного и свободного города», никому не принадлежащего, но с русскими пушками на Босфоре в обмен на согласие с австрийской аннексией Боснии и Герцеговины», а также проекты «сепаратного соглашения с Турцией наподобие Ункяр-Искелесийского 1833 г.» [Михайловский, с. 85].

Все последующие события подтвердили, что вопрос о Константинополе оставался «самым больным местом» русско-английских отношений, что не сулило даже в перспективе какого-либо обоюдодоприемлемого и прочного решения. Так, после соглашения Сайкса — Пико 1916 г., по которому по завершении Первой мировой войны России передавался контроль над Проливами, Константинополем, Западной Арменией и Северным Курдистаном, из Британии стали поступать средства большевикам, дабы ускорить русскую революцию, которая освободила бы Лондон от подписанных обязательств. Об этом факте, на основании архивных источников, пишет австрийская исследовательница Э. Хереш [Heresch, S. 119, 188, 229].

Возвращаясь к Боснийскому кризису 1908 г., спровоцированному Дунайской империей, следует признать, что А.П. Извольский, министр иностранных дел России в 1906–1910 гг., действительно готов был торговать Боснией, вообразив получить согласие Австрии и Англии на некие новые позиции России в Константинополе. Его скрытые даже от царя, предпринятые по собственной инициативе тайные переговоры с главой австрийского МИД А. Эренталем в Бухлау были заведомо обречены на неудачу, ибо Австрия была уверена в своем успехе и без всяких уступок Петербургу в вопросе Проливов и Константинополя. Сопровождаемая почти скандалом, когда обольстивший посулами, но обманувший Извольского Эренталь¹ объявил о российской поддержке аннексии, и общественным порицанием в России, дипломатия Извольского была и непопулярной, и непродуктивной. Английский министр Э. Грей не откликнулся в ходе Боснийского кризиса ни на одну из предлагаемых А.П. Извольским комбинаций и отказал России в совместном демарше против захвата Боснии. Информированная об этом Вена была уверена, что ее акт не вызовет противодействия ни других западных держав, ни оставшейся в одиночестве России («Я знаю Россию как собственный карман, — изрек тогда Эренталь. Она, безусловно, не пойдет на войну» [цит. по: Conrad von Hötzendorf]).

Следует добавить, что ко времени Боснийского кризиса в результате заговора офицеров белградского гарнизона в 1903 г. в Сербии вновь сменилась династия: был убит последний представитель Обреновичей, чья династия на этом пресеклась, и скупщина

1 Министр финансов В.Н. Коковцев горько иронизировал, что в ходе гостеприимных обедов в Бухлау Эренталь разыграл с Извольским басню «Ворона и лисица».

единогласно призвала на престол Карагеоргиевича. Новый монарх, коронованный как Петр I Карагеоргиевич, начал налаживать прочные связи с Россией, что было совершенно не в интересах Австро-Венгрии, которая поспешила реализовать свой боснийский план до того, как Россия окрепнет после Русско-японской войны и сможет более смело вести себя на Балканах.

Австрия действовала уверенно и бесцеремонно по отношению к интересам России, имея за спиной недвусмысленную военную поддержку Берлина. Кайзеровская Германия подталкивала Вену в давно лелеемом германцами «дранг нах зюден». После объявления об аннексии Боснии, австрийский генеральный штаб получил из Берлина секретное подтверждение, что в случае военного выступления России в защиту Боснии «для Германии наступит казус федерис» [Там же].

Не вполне состоятельны иллюзии сербской исторической памяти в отношении позиции Франции в Боснийском кризисе. Как пояснял впоследствии А.П. Извольский в письме своему преемнику С.Д. Сазонову, в самый критический момент аннексии Боснии ему была передана через французского посла официальная позиция Парижа: «Французское общественное мнение не потерпит, чтобы Франция была вовлечена в войну из-за сербских вождедений» [АВПРИ. Оп. 910... Л. 174–182].

В хранящемся в Архиве внешней политики Российской Империи всестороннем анализе международной обстановки тогдашний русский посланник в Сербии Г.Н. Трубецкой говорит о «бездарной дипломатической кампании» России в Боснийском кризисе, но «главной виновницей» попустительства австрийской аннексии Боснии называет Англию и лично Э. Грея, «торпедировавшего любые согласования» поправками, делавшими все предлагаемые документы «недействительными» [АВПРИ. Политархив... С. 22]. Подтверждение находим в «Записках» Г.Н. Михайловского — в годы Первой мировой войны главы международно-правового отдела российского внешнеполитического ведомства: именно Англия «расстроила своим сопротивлением русские планы... как в 1908 г., так и в эпоху 1912–13 годов» [Михайловский, с. 85].

В анализе Г.Н. Трубецкого, по большей части не введенном еще в научный оборот, охвачен значительный период русской политики на Балканах в целом с разбором неверных акцентов и расчетов, неоправдавшихся и ложных иллюзий, которые, среди прочего, ненамеренно вели не к разрешению противоречий между балканскими нациями, а к их усложнению, с неизбежным вовлечением в них великих держав. Особенно это относится к нараставшему столкновению интересов Сербии и Болгарии — двух самых перспективных и сильных православных государств на Балканах, с древней историей. Русофобия политической элиты современной Болгарии, неожиданная для русских, ее амбиции и антисербские настроения, участие на стороне кайзеровской и гитлеровской Германии в двух мировых войнах имеют давние корни, восходящие, в частности, к той эпохе.

Позиционирование в течение уже полутора веков освобожденной русской кровью Болгарии — результат многих факторов, не в последнюю очередь хитросплетений ин-

тересов держав. Можно указать и на неоправданную идеализацию в 1878 г. будущей ориентации независимой Болгарии русским послом в Константинополе Н.П. Игнатьевым, который фанатично и искренне видел в Болгарии главную опору России, уповая на благодарность населения, встречавшего русскую армию с «неистовым восторгом». Г.Н. Трубецкой же полагает ошибочной и недальновидной позицию России в период Сербско-болгарской войны 1885 г., лишь стимулировавшую амбиции Болгарии и подкрепившую «нерусский» вектор болгарской стратегии.

Анализируя неудачи России к 1917 г. за более чем два десятилетия, Г.Н. Трубецкой признает ошибки прошлого: «Нашими уполномоченными был проявлен чрезмерный и недостаточно обоснованный фаворитизм по отношению к Болгарии, в то время как Сербия была ими совершенно обездолена». Русская дипломатия «в 1878 г. положила начало исключительным притязаниям Болгарии», что породило после неудач в Балканских войнах «русофобию» [АВПРИ. Политархив... С. 20, 24]. Участие Болгарии на стороне Центральных держав было predetermined не только желанием «отомстить». В случае победы Антанты Россия бы утвердилась в Константинополе, а Сербия, даже с уступкой Македонии, увеличилась бы больше чем вдвое за счет Австрии. Царю Болгарии Фердинанду Саксен-Кобург-Готскому, который опирался на Австро-Венгрию еще до войны и избрание которого Россия в числе других держав сначала не признавала, пришлось бы проститься со своей заветной мечтой — гегемонией на Балканском полуострове и собственным утверждением в Константинополе.

Итоги Первой мировой войны радикально изменили карту Европы, но англосаксонская часть Антанты — создательница нежизнеспособной Версальской системы и новых государственных образований на месте Австро-Венгрии — заложила зерно Второй мировой войны. Великая Победа СССР в мае 1945 г. заставила Запад в течение почти 50 лет соблюдать конфигурацию и баланс, согласованные в Ялте, и отложить в долгий ящик неизменную цель отгородиться от России по линии Балтика — Средиземное море. Но после крушения СССР главные геополитические сценарии разыгрывались в тех же самых регионах, которые были объектом передела в Первой и Второй мировых войнах. Сюжеты Восточного вопроса XIX в. разворачивались не только в дипломатических баталиях 1945–1946 гг. В. Молотова и Э. Бевина по Дунаю и Додеканезским островам, но и в Балканском кризисе 1990-х. Заложенные в начале XX в. конфликты возродились в конце столетия, причем цели остались прежними.

В 1995 г. в Дейтоне англосаксы категорически не желали присутствия России на Балканах и сильного сербского национального государства — также как за 50 и 100 лет до этого. Вспомним, как в 1943 г. в Тегеране У. Черчилль в ответ на все требования И. Сталина открыть второй фронт в Западной Европе, упорно предлагал «правофланговое наступление на Балканы», спеша установить свой контроль в регионе. Вспомним, как он вмешался в дела Греции, где победа левых сил угрожала изменением политики Греции и ослаблением британских стратегических позиций в зоне Проливов. Однако в Сербии — в отличие от Греции — Великобритания сочла выгодным поставить на коммуниста И.Б. Тито, который, понимая британские мотивы и приоритеты, в письме Черчиллю

разъяснил свою цель — «создать союз и братство югославских народов, которые «не существовали до войны», «создать федеративную Югославию [Черчилль, с. 459, 460].

Британия после этого перестала поддерживать Д. Михайловича (который вполне мог за свои заслуги потребовать Великой Сербии), предпочтя ему коммуниста И.Б. Тито. Замыслы Тито вписывались в британские схемы для Юго-Восточной Европы, нацеленные со времен распада Оттоманской империи на сдерживание и хорватов, и сербов, и словенцев, и албанцев, что должно было препятствовать укреплению как прогерманского вектора балканских «австрославистов», так и пророссийского вектора православных славян.

Создание югославянской федерации вполне соответствовало и проекту «Дунайской конфигурации», очерченному Черчиллем в Тегеране. Британская стратегия исходила из того, что Черноморские проливы, Юго-Восточная Европа, Балканы и православные славяне ни в коем случае не должны попасть в орбиту России. Преемственность этой британской линии в Восточном вопросе отчетливо проявлялась на переговорах «большой тройки». Как пишет М. Гилберт, автор многотомной биографии Черчилля, в которой воспроизведен огромный массив личных деловых записок самого Черчилля, в Тегеране британский премьер, заговорив о послевоенном устройстве, выразил «ощущение, что Пруссия... должна быть изолирована и уменьшена, а Бавария, Австрия и Венгрия могли бы сформировать широкую, мирную... конфедерацию» [Gilbert, p. 575]. По словам самого Черчилля, он предлагал «отделить Баварию, Вюртемберг, Пфальц, Саксонию и Баден», чтобы эта группа земель «вросла в то, что он назвал бы Дунайской конфедерацией» [Черчилль, с. 392, 393, 394].

Сталин же, отмечала немецкий историк Рената Римек, воспротивился плану «вовлечь Южную Европу, прежде всего балканских славян, в силовой ареал Запада... не потому, что хотел сделать Южную Европу коммунистической, а потому что, как любой русский государственный деятель и любой русский царь, он был обязан противостоять таким западным устремлениям» [Riemeck, S. 177]. Не исключено, что Сталин сразу после войны почувствовал необходимость бдительно следить за контактами югославянских деятелей с Западом, что сеяло и укрепляло недоверие между ним и Тито.

И.Б. Тито вел свою большую игру, опираясь на интересы Британии и США и их поддержку. У. Черчилль, «немедленно ответив» ему 5 февраля 1944 г., пообещал «поддержку правительства Его Величества» усилиям «создать условия для образования подлинно демократической и федеративной Югославии» [Черчилль, с. 459, 460]. Дж. Кеннан, в свою очередь, также пришел к выводу, который выразил вполне откровенно: «Тито — наш самый драгоценный приз в борьбе за ослабление и остановку русской экспансии. Надо предоставить ему самому возможность по-своему трудиться над тем, чтобы Восточная Европа стала самостоятельной» [Екмечић, с. 652–654].

Сербский академик М. Экмечић (в посмертно изданном в 2022 г. полном собрании его трудов, включая ранее не опубликованные) пишет даже об интригах И.Б. Тито с ру-

ководством США, Британии, об обмене секретными визитами и переговорах высокопоставленных югославских военных и политиков в 1951 г. (визиты британского генерала Генри Уилсона в Белград в январе 1951 г., главы югославского парламента Милована Джиласа в Лондон в феврале, начальника Генерального штаба Югославской армии генерала Кочи Поповича в Париж в мае того же года), о «тайной военной конференции» американских и британских военных чинов с югославскими военными «в Словении в июле 1951 г.». Все это — достаточно сенсационные сведения, которые не афишировались в СФРЮ. Результатом, как пишет Экмечич, стало согласие И.Б. Тито заключить с Грецией и Турцией «Балканский пакт» в качестве юго-восточного дополнения к НАТО, что предусматривало участие СФРЮ в «отражении» возможной агрессии СССР. Однако эти нереализованные планы, по всей видимости, были скорее пробными эскизами, которые не смогли найти поддержку в югославском партийном и государственном руководстве и тщательно скрывались, о чем косвенно свидетельствует факт немедленного отстранения от должности посвященного в эти планы высокопоставленного чиновника, возразившего против их осуществления.

Югославия стала мировым игроком, найдя для себя иную роль. И.Б. Тито смог реализовать свои политические амбиции не в присоединении в той или иной форме к конфигурациям одной из сторон биполярного миропорядка, а на поле менее рискованном, став противовесом как западному, так и советскому блокам. СФРЮ и сам Тито выступили вдохновителями Движения неприсоединения и успешно его использовали. Символично, что и заключительная для эпохи холодной войны и Югославии как единого социалистического государства конференция неприсоединившихся стран состоялась в 1989 г. в Белграде — там же, где начиналась активная история Движения неприсоединения. После этого в столице СФРЮ был взят курс на сближение с Западом, который не спас Югославию.

Драматический парадокс заключался в том, что стержнем строительства Югославии — как бы это ни обрамлялось в космополитические левые социальные проекты и формулы — была сербская история, не запятнанная ни в Первую, ни во Вторую мировые войны, в которых и хорваты, и албанцы находились на стороне побежденного противника. Сербский народ неоспоримо считался одним из наиболее пострадавших в войне (если не самым пострадавшим — с учетом жертв на душу населения), и до сих пор в энциклопедиях фигурирует понятие «геноцид сербов 1941–1945», признаваемое и западными историками [Балканский узел... С. 160–164; Nation, p. 98]. Именно с сербской историей, известной на Западе несколько веков, именно с Сербией — государством-участником крупных событий — в сознании мира так или иначе ассоциировалась преемственность Югославии в ее звездные часы. Роль хорватов — союзников Гитлера и Муссолини, запятнанных геноцидом сербов и антисемитизмом, по политическим причинам оставлялась в тени, а другие югославские народы, получившие квазигосударственные институты, ранее не имели своей государственности. Однако именно сербская идея должна была быть принесена в жертву интернациональным задачам, именно сербская история нивелировалась в самой Югославии. И это очень похоже на судьбу русских в СССР, созданном из «великой и неделимой России» — многовековой

исторической работы русского народа, объединившего еще до всяких марксистских идей сотни народов.

В социалистической Югославии именно в сербской историографии требовали насаждать тезис, что у сербов и других югославских народов больше нет отдельной истории. В то же самое время в Хорватии и Словении с этим открыто не соглашались. Когда идеологический контроль ослабел, в кругах сербской интеллигенции возникло национальное течение, которое олицетворяли крупные историки, подготовившие в 1985 г. так называемый Меморандум Сербской академии наук и искусств.

В этом фундаментально документированном тексте о положении сербской нации в СФРЮ сербские ученые впервые открыто, хотя и робко, с экивоками, свойственными воспитанию в пролетарском интернационализме, поставили вопросы о разделенном положении сербской нации в федерации, о последовательных установках на развитие производства преимущественно вне Сербии, вывод из нее промышленности, перераспределение национального дохода в пользу других субъектов федерации, административную и финансовую дискриминацию в области культуры, с сохранением в основном на плечах Сербии государственного долга. Было указано и на нарушения прав человека в Косово, откуда сербов систематически вытесняли. В ответ обрушился шквал обвинений со стороны хорватов, албанцев, словенцев и западных комментаторов [Mihailovic, Krestic].

Все эти выводы, подкрепленные данными статистики, и их судьба очень напоминают заключения и судьбу подобных исследований в позднем СССР, например, известного правоведа и правозащитника, д.ю.н. Галины Литвиновой, основателя нового направления — социальной демографии. Г. Литвинова на статистических данных показала, что, начиная с середины 1930-х годов установленные еще в 20-е годы преференции национальным окраинам вели к последовательному систематическому разорению родового гнезда русского народа, особенно Нечерноземной зоны, перераспределению бюджета в пользу национальных республик, дискриминации в области государственного управления и культуры. (Так, по количеству дипломов и ученым степеням на душу населения казахи и узбеки к 1980-м годам во много раз опережали русских, украинцев и белорусов.) Но труды Г. Литвиновой перестали публиковать; ее работа «Национальные интересы русского народа и демографическая ситуация в России» была издана уже в 1997 г. Институтом мировой литературы РАН (!) — в сборнике Ассоциации по комплексному изучению русской нации (АКИРН) [Национальные интересы...].

Титовская же Югославия, лишь формально объединявшая сербский потенциал, но на деле консервировавшая его фрагментацию, после крушения СССР просуществовала ровно столько, сколько в ней был заинтересован Запад. При этом именно сербский дух и Югославская народная армия стали в 1990-е годы объектами идеологической диффамации и стратегии расчленения. Судьба сербского народа, его интересы, национальная идея, объединение фрагментированных сербов вновь были расценены на Западе как «крамольные» темы. Примечательно, как мало изменилось за целое столе-

тие — с двумя мировыми войнами и колоссальными сдвигами в мировой политике — отношение к самому праву сербов на какие-либо национальные чаяния.

«Ложность» и «опасность» сербских «вождедений», восходящих к идеям И. Гарашанина, к «фантазиям историков-дилетантов», была сурово осуждена еще в далеком 1913 г. в докладе Фонда Карнеги. Особое внимание уделялось там и македонскому вопросу, который осложнял взаимоотношения между потенциально крупными, главными субъектами балканской политики — Сербией, Болгарией и Грецией. Фонд предлагал придерживаться стратегии, которая на деле предполагала поддержание постоянной конфликтности между Сербией, Болгарией и Грецией через поощрение, в том числе, деятельности Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) [Синадиновски; Златна книга], сыгравшей свою роль и в антисербском направлении процессов в распадающейся Югославии конца XX столетия.

В 1993 г. при переиздании того же доклада такая же оценка сербства была повторена в предисловии Дж. Кеннана, который прямо призывал «навязать на Балканах новый статус-кво и заставить его соблюдать» [The Other Balkan Wars... P. 16]. А лидеры ВМРО в 1990-е годы вышли на политическую сцену новой Македонии, объявив главным врагом сербский «империализм» извне и албанизацию внутри, что не мешало им блокироваться с албанцами против сербов на выборах. Создание «титовской» СФРЮ, якобы отдавшее македонцев «под иго сербского великодержавия», лидеры ВМРО резко осуждают, хотя этот исторический этап только и сделал возможным независимость Македонии¹. Отношения между македонскими структурами и Белградом в СФРЮ изначально были непростыми [Македония...], а македонская эмиграция пестовалась в том числе под эгидой американского Государственного департамента и Совета по международным отношениям, о чем говорят архивные документы [АВПР. Ф. 0512...Л. 13, 16]. Все это дало результаты в переориентации македонской политической элиты в сторону Запада и НАТО².

По итогам своего существования СФРЮ принесла независимый государственный статус Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговине, вообще никогда не имевшим собственной исторической государственности. Сербия же — возникшее еще в раннем средневековье независимое государство балканских славян — оказалась обречена на фрагментацию, ибо многие населенные сербами земли отошли бывшим частям социалистической Югославии. В этом новейшая сербская история очень схожа с судьбой исторической российской государственности и русского народа. Новоиспеченные постсоциалистические и постсоветские государства, имеющие на своей территории сербские или русские анклав, неизбежно опасаются ирреденты и начинают

1 В 1996 г. автор данной статьи имела в Македонии беседы с лидерами Внутренней македонской революционной организации по широкому кругу международных проблем. Радикальная националистическая верхушка ВМРО отрицательно относилась к итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 г. и линии Сан-Стефано, «предавшей» македонскую нацию, и не менее жестко оценивала как Версальскую, так и Ялтинско-Потсдамскую системы.

2 Нова Македония. 5 сентября 1996 г.

проводить в разной форме политику ассимиляции, подавления языка, культуры, исторической памяти, возможностей к самоорганизации, соответственно, сербского и русского населения. Яркий трагический пример — судьба русскоязычного востока Украины, ненависть к нему галицийских униатов.

После всех экспериментов, соблазнов и исторических катаклизмов сербы, как и русские, оказались разделенным народом. Но судьба исторического сербства как в полуторавековой ретроспективе, так и сегодня, когда оно находится во враждебном окружении, драматична гораздо более, чем судьба России — все еще огромной, самодостаточной геополитической величины, вооруженной ядерными средствами сдерживания.

* * *

Исторические и геополитические устремления сербов, славянства, балканских народов, испытавших на себе двойное завоевание и подчинение со стороны Запада и Востока, всегда были разнообразны и порой противоположны. Это имеет разные истоки — от религиозной розни на стыке католицизма, православия и мусульманства до сугубо национальных чаяний, от местнических амбиций до исторических обстоятельств. Во все времена эти присущие всей человеческой истории явления использовались сменяющимися друг друга ведущими европейскими державами как инструмент собственных геополитических интересов в стратегическом южном подбрюшье Европы, что препятствовало более раннему оформлению однородных славянских государств и сохранило балканские противоречия до XXI в.

Историческое сербство помещено историей на стыке соперничающих геополитических систем, где независимая внешняя политика малых стран едва ли возможна, что подтвердилось в несбывшихся надеждах И. Гарашанина, а в наше время — в радикальной переориентации Восточной и Южной Европы на рубеже XXI вв. Впрочем, не все стремятся к дорогостоящей во всех смыслах и невечной самостоятельности, и это их право. Однако в момент острейшего противостояния, от исхода которого зависит будущая политическая конфигурация мира и, прежде всего, будущее направление истории христианской цивилизации, политическое и мировоззренческое самоопределение для небольших наций становится историческим императивом. Этим самоопределением они решают собственное национальное и государственное будущее.

Познав в XX–XXI столетии и успехи, и поражения, и упадок воли, и взлет национального духа, сербская нация вновь находится в центре мировых событий, что повторяет судьбу русских, подтверждая связь судьбы поствизантийского пространства с положением России. Исторический и духовный опыт сербов, готовность никогда не сдаваться без боя и самопожертвования даже многократно более сильному противнику, давшие им способность не только выстоять и выжить, но и сохранить себя как историческую нацию перед экспансией с Запада и с Востока, подвергается новому испытанию, новому искушению — выбору политического будущего и цивилизационного пути.

Вновь от Балтики через всю Восточную и Южную Европу формируется не скрывающий своей враждебности Сербии, России и осознавшей цену лавирования Белоруссии меридиональный фланг, весьма похожий на проект санитарного кордона от Балтики до Средиземного моря, лелеемый с XVI в. и бывший составной частью проектов Муссолини и Гитлера. Эта стратегия вновь не обходит стороной Балканы и сербов.

Опыт Сербии с Дейтонскими соглашениями, после которых сербского президента С. Милошевича — гаранта подписанного статус-кво — западные партнеры выкрали и поместили в застенки Гаагского трибунала, не оставляет места иллюзиям. Пример России не менее назидателен: мощная богатая Россия с ее ресурсами и ядерным оружием была обманута и обворована. Попраны «священные коровы» западного мира — договоры и договоренности, правовые нормы и принципы, которыми Европа долго привлекала незападные миры. Сама Европа стремительно утрачивает роль и суверенитет, становясь, в ущерб себе и своей экономике, инструментом американского доминирования. Своей подчиненностью англосаксонской исторической стратегии, Евросоюз сам себя ввергает в социально-экономические катаклизмы, уже давно забытые в «цветущем саду» Ж. Борреля. Но эти проблемы заслоняют куда более тревожную неопределенность самой европейской цивилизации, ее великой культуры и образа жизни, наконец, места Европы в глобальном политическом и цивилизационном соперничестве. Пример античного Рима с его гедонизмом, разрушенного вестготами, несмотря на все техническое и социально-экономическое превосходство римлян, весьма назидателен.

Постмодернистский технократический концепт будущего, с пугающей быстротой реализуемый на поле европейской цивилизации, уже порвавшей со своими христианскими истоками и не дорожащей памятью о былом расцвете, ставит под сомнение продолжение самостоятельной культурно-исторической жизни и угрожает самому смыслообразующему ядру русской и сербской истории. В новом (анти)европейском проекте первыми растворятся малые нации. В постмодернистской Европе отброшена собственная великая европейская культура, главным нервом которой был нравственный выбор. Тем более незавидна судьба славянства, с его кириллицей, языком, содержащим нравственную оценку в самой лексике, с его героической летописью выстояния между католиками и мусульманами, между тевтонами и турками: останется мертвый экспонат в витрине этнографического музея.

Православная цивилизация и государственность, завещанные Сербии князем Лазарем («*Земальско је за малена царство а небеско увек и до века*») чужды либертарианской, апостасийной доктрине брюссельской элиты еще более, чем западноевропейской мысли кануна Первой мировой войны. Уже тогда для Запада сохранение сербской цивилизации, ее «триумф» воспринимались как «удар по прогрессу и современному развитию» [Seton-Watson, p. vii, 337]. В XXI в. сохранение в Европе очагов православной культуры и семейно-бытовых основ жизни — это препятствие «триумфу» постмодернизма, философии «конца истории» человеческого духа, «культуры гендерного равенства», «культуры отмены» — отмены всего, что создало славу некогда великой Европе.

Русский мир и Сербство, защищая себя и свое место в истории, одновременно, осознанно или неосознанно, служат сохранению и продолжению общеевропейского христианского цивилизационного наследия — достойная и вдохновляющая историческая миссия.

Литература

АВПР. Ф. 0512. Оп. № 4, № 221. Папка 25.

АВПРИ. Оп. 910. Д. 194. Ч.1.

АВПРИ. Политархив 1917 г. Оп. 482. Д. 1783.

Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М. 2005.

Екмечић М. Сабрана дела. Књига 5. Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у новом веку (1492–1992).

Златна книга. 100 години ВМРО. Скопје. 1993.

Карасев В.Г. Сербский революционный демократ Светозар Маркович. 1953.

Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М. 1997.

Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В двух книгах. Книга 1. Август 1914 — октябрь 1917. М. 1993.

Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875–1878 гг. М. 1979.

Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря 1856–1871. К истории Восточного вопроса. Изд. 2-ое. М. 2022.

Национальные интересы русского народа и демографическая ситуация в России. Сборник статей. / Ассоциация по комплексному изучению русской нации (АКИРН). М. 1997.

Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М. 2015.

Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в. (начало деятельности по объединению сербских земель). М. 1995.

Синадиновски Б. ВМРО-ДПМНЕ. Од визији до стварност. Скопје. 1993.

Черчилль У. Вторая мировая война. Том V. Кольцо смыкается. М. 1998.

Conrad von Hötendorf F. Aus meiner Dienstzeit. 1906–1918. Wien, Berlin. 1921.

Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol.VII. The Road to Victory. 1941–1945. Boston.1986.

Heresch E. Geheimakte Parvus. Die gekaufte Revolution. Wien. 2000.

Mihailovic K., Krestic V. Memorandum of the Serbian Academy of Sciences and Arts. Answers to criticisms. Belgrade, 1995.

Nation R.C. War in the Balkans 1991–2002. Carlisle: U.S. Army War College. 2003.

Naumann F. Mitteleuropa. Berlin. 1915.

Naumann F. Was wird aus Polen? Berlin. 1917.

The Other Balkan Wars. 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Retrospect with a New Introduction and Reflections on the Present Conflict by G. F. Kennan. Wash. 1993.

Riemeck R. Bilanz eines Jahrhunderts. Stuttgart. 1997.

Seton-Watson R. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. London. 1911.